
Ангелос Сикелианос

ЛИРИКА

Перевод с новогреческого и примечания О.А. Комкова

ИЗ КНИГИ «ЯСНОВИДЯЩИЙ»

ГОЛОС

И се, покрыла веки мне глубокая,
густая темь. И солнце сгинуло,
и поле, и гора, и берег моря
в душе громадной тенью выросли,
и ропот кипарисовый
вспыхнул в мирском просторе.

Последний знак — и пять орлов рассеялись
в глазах, во мгле эфира;
последний знак внутри меня, как молния,
сверкнул
и канул в звёздных высях мира.

И голос лился медленно,
как гром сквозь толщу ветра, в грозной шире,
и был мне голос тот знаком,
в моей утробе вызревший
и в реющем эфире:

«Где ты, о ясновидящий,
что узрит сокровенных тайн сиянье
и воплотит бестрепетно
обет, парящий в безднах воздуха
над суетой деянья?»

И ветер крылья шумные
сложил в безмолвье мира.
И, тайный узел разрешив,
мне мысль и плоть опутало
движенье неустанное
бессмертного эфира.

АХИЛЛЕСОВЫ КОНИ

О асфодели! в сумраке
два жеребца со ржанием
пред вами проскакали...
Блестя, как волны, спинами,
из моря в диком натиске
на брег пустынnyй вырвались,
громадны, с белой пеной
на яростном оскале...
В их взоре тела молния;
лишь миг — и в бездну ринулись
они, волной меж волнами,
и пеной средь пенных вод
исчезли. И припомнилось:
из тех коней неистовых
один вещал пророчества¹.
И, дланью богоравно
держа бразды, младой герой
спешил навстречу дали...

Святые кони! ревностно
vas рок хранит от Леты;
извечно вам дарованы,
на чёрных лбах начертаны
для смертных глаз, огромные
белеют амулеты!

¹ Кони Балий и Ксанф, свадебный дар Посейдона отцу Ахилла Пелею, были бессмертны и умели говорить. У Гомера Ксанф, после гибели Патрокла, предрекает Ахиллу скорую смерть (Илиада, XIX, 404—415).

ИЗ «ИОНИЧЕСКИХ РАПСОДИЙ»

СОВА²

Синеет издали Нерит³; и дуб в лазурной дымке,
лишённый тени, высится над сонной гладью моря.
Цветами белоснежными в воде застыли чайки.
А в бездне голубеющей повис недвижно ястреб –
и крылья распростёртые трепещут, словно брови
под сенью мысли девственной, подобной сновиденью...

Прохладой майскою Борей намедни веял; волны
хрустальным светом искрятся, и чад исчез песчаный,
и дремлет ветер в рощице, прозрачно-бестревожен;
и не курится фимиам с олив пред лицом солнца.
Морскою мглой пролитая, царила ночь над полем,
и реял в сумраке Борей, и, внемля майским чарам,
вилась поутру бабочка над пеною прибрежной...
И, в волнах выкупав зарю, почувял я, что льётся
по венам кровь лазурная, как синь сквозь ветви дерева;
и светлый ум благоухал цветущею оливой,
что блещет, белопенная, в морском дыханье ветра...

И дева синеокая, что вслед за мной скользила,
воздев главу над волнами, меня спросила грозно:
«Ужели вправду ласточки смеялись над совою,
когда, поднявшись медленно, одна, в полдневном свете
она безмолвно проплыла над виноградным садом,
где даже пёс пугается огромной низкой тени?
Ужели вправду ласточки смеялись над совою
и ветерок подхватывал их ласточкуну радость,
когда, крыла совиного коснувшись мимолётом,
они взметнулись к небесам с протяжным верещаньем?»

И белой яростью зажглось чело прекрасной Главки:
священной птицей пренебречь, избранницей Афины!

² Образная система стихотворения частично строится на игре слов: γλαύκα (сова), Γλαύκη (Главка, имя морской нимфы-нереиды) и γλαυκός (синий, лазурный).

³ Нерит – гора на севере о. Итака.

И деве я ответствовал, словами окрылённый:

Пусть ворон дышит завистью, пусть ласточка смеётся –
священны ввек дары олив, и присно будет с нами
глядеть внимательно сова в божественные ночи...

ТРАПЕЗА

В надгорной горнице покой, и трапеза готова.
И сладок масла чистый свет, что сладкий плод оливы,
питая взгляд, и голубой в лампаде млеет корень...
Как тихое созвездие, горит в дому светильня.
И стол, покрытый белым льном, струит благоуханье;
на нём и свежие плоды, на нём и чаша с мёдом,
и масло, сладкое для уст, как сладок свет для взгляда.
Пришла ткачиха юная, и плакальщица с нею,
се, жены сладкочёлые: вот Лигия, что флейту
певучую до времени оставила на кроснах,
вот Главка, светозарная жена, чьё увенчали
чело тяжёлые власы, подобны паре крыльев
златых, и велий лик её сияет тихой сенью.

И тихий вечер высветлил в нас думы и печали;
вливалась в окна глубина той Олимпийской ночи,
где горы в дымку обратил ущербный бледный месяц,
где звёзды тайно пили свет бестрепетной лампады.
Питая взгляд, как сладкий плод – уста, лила светильня
в глубь наших душ священный дух той Олимпийской ночи.
Сиянье масла в нас текло и напояло благом,
и ночь покоем наполнила и вдохновенной мыслью.
И за далёкою горой, мерцавшей, словно дымка,
забравши наши горести, садился бледный месяц
и тлел, как царь поверженный, в агонии безмолвья...

ИЗ КНИГИ «АФРОДИТА УРАНИЯ»

АНАДИОМЕНА

В блаженно-розовых лучах — глядите! — выхожу из вод
с воздетыми руками.

Волны божественный покой велит бестрепетно ступить
в лазурь под небесами...

Но дикой дрожью полнит грудь мою дыхание земли
в неистовом обряде!

О Зевс, морская давит глубь и, словно камни, тянут вниз
волос тяжёлых пряди!

Ветра, спасайте! Дщери вод! возьмите под руки меня,
о Главка, Кимофоя!

Не знала я, что страшно мне объятья Гелиос раскрыл
в просторе, полном зноя...

МОЛИТВА

Нагая молится душа. От радости, от горя
свободна, в тайный час
нагая молится душа; Тебе, Создатель, вторя,
звучит нетварный глас,

что, прежде чем войти мне в плоть, — невидимой цикадой
в оливковых кустах —
звенел, в груди Твоей сокрыт, и сердцу пел с отрадой:
«Во всём — победа!» — и гремел в моих устах

Твой, Боже, самовластный зов. Ему, как прежде, вторя,
молю: в душе остывшей обнови
священный жар, вкушённый мной в надвременном просторе,
для той любви, для той любви,

что реет благостно над бездною творенья,
над миром мёртвых и живых,
соединившихся в моём сердцебиеньи;
дай, Боже, вечных тайн Твоих

изведать сызнова, Эротом безначальным
мою утробу опали —
и, словно ветер, оживу дыханьем беспечальным
в родной близи, в родной дали...

ЗА ТО, ЧТО СЛАВИЛ Я ДУШОЙ...

За то, что славил я душой священный лик земли
и тайных крыл не простидал, ища себе награды,
но в тишину врастал умом, от суеты вдали, —
уста опять родник щедрот, возжаждав, обрели,
живой, танцующий родник, родник моей отрады...

За то, что отроду судьбу не вопрошал с тоской:
«когда?» и «как?» — но, в каждый час вперяя мысли око,
следил вневременную цель в текучести мирской, —
поныне — вёдро иль грозу приносит воля рока —
мгновенья светоносный шар, как плод, созрев до срока,
мне в душу падает с небес и дарит ей покой!..

За то, что принял жизнь как есть и не желал иного,
но молвил: «Чистый свет рождён дождливою порой,
и сотрясеньями крепка живой земли основа,
пока в творящем пульсе недр извечный слышен строй», —
весь бренный мир передо мной развоплотился снова
и Смерть отныне стала мне великою сестрой!..

ИЗ КНИГИ «ОРФИЧЕСКОЕ»

ДЕДАЛ

Сама судьба назначила Икару
взлететь и пасть... Когда легко на плечи
он принял бремя грозных крыл свободы,
великого отца изобретенье,
одна лишь юность обрекла нещадно
на гибель тело — хоть и не сумел
он таинство постигнуть равновесья!

И сердцем неокрепшие мужчины
застыли в страхе, содрогнулись жёны,
когда узрели над морскою бездной
младое тело, что, подобно чайке,
сквозь ветер взмыло к небу и внезапно
исчезло из виду.

И показалось
им необъятное пространство моря
одною бесконечною слезою,
огромным густком плача, что лелеял,
как эхо, имя юноши и черпал
в том имени свой смысл, и глас, и душу...

Но если муж, который с ранних лет
твердил, что небо и земля едины,
что мысль его — средина мирозданья;
что смешана земля со звёздным сводом,
как с почвою подпочва, и пшеницу
рождать способно небо;

если тот,
кто увидал давно печать могилы
на душах и деяниях человечьих
и — как однажды статуи, которым
он даровал свободу рук и ног,
чтоб следовать могли путями света, —
сердца людей освободить решился;
кто вымостил массивными стволами
божественный корабль и весь наполнил
его не златом, не слоновой костью,
не янтарём — но избранною ратью
Героев, уготовав им дорогу
в бессмертье;

если тот, кто заточил
себя в темницу собственною волей —
так гусеница ткёт могильный кокон,
чтоб, в нём сокрывшись, обрести по смерти
иное естество, — и, погребённый
в глубинах Лабиринта, видел сон,
как будто проросли крылами плечи,
и, час за часом сон одолевая,
проник в него и подчинил рассудку;

а после вдруг узрел, как окружила
его толпа — и грозное Искусство,
что Богу предназначил он, ославить
хотела праздного ума забавой
пустою;

если, утомлённый грузом
усилий бесконечных, облачившись
в те крылья, как в доспехи, он взлетел
и ввысь поднялся, рассекая ветры
спокойными движениями, подобно
жнецу, что взмахами серпа срезает
густые волны вызревших колосьев,
высоко над толпой, над зыбью моря,
что поглотило сына, за пределы
рыданья, ибо жаждал искупить
своей душой навеки душу мира;

— пусть сердцем неокрепшие мужчины,
пусть немощные жёны, что умеют
лишь тихо плакать, обряжая мёртвых,
иль причитать на поминальной тризне,
промолвят:

“Се отец жестоковийный!
уже клонилась жизнь его к закату,
но страшного пути он не оставил,
бесплодную спасти надеясь душу!”

И пусть другие молвят:

“Покидает
он дальний мир и все людские тропы,
взыскуя невозможного.”

Поныне
пусть молвят так...

Но ты, великий отче,
воззри на нас, детей, что с ранних лет
увидели на всём печать могилы,
что, словом иль резцом вооружившись,
все силы духа отдают борьбе,
стремясь подняться ввысь над плотоядной
мирской текучестью;

о славный отче,
мы знаем: небо и земля едины,
и наша мысль – средина мирозданья,
и смешана земля со звёздным сводом,
как с почвою подпочва, и пшеницу
рождать способно небо;

молим, отче:
в часы, когда навалится на сердце
вся горечь жизни неподъёмной ношей
и силы в нас не пробуждает юность,
но только Воля бодрствует упорно
над смертным зраком – ибо перед нею
мелка пучина моря, что сжимает
всех тонущих безжалостною хваткой,
мелка земля, вмещающая мёртвых;

в часы зари, когда одна дремота
и мёртвых и живых объемлет купно –
одних без снов, других средь сновидений, –
не исчезай, пари пред нашим взором,
несспешно возносясь на верных крыльях
в небесные высоты нашей Мысли,
Дедал надмирный, вечною Деннице!

САМОУБИЙСТВО АДЗЕСИВАНО, УЧЕНИКА БУДДЫ

Занёс кинжал рукою безмятежной
Адзесивано. Чаяла исхода
его душа голубкой белоснежной.
Как из глубин священных небосвода
скользит звезда, лучась в ночи безбрежной,
как с яблони цветок спадает нежный,
дух излетел туда, где ждёт свобода.

Такие смерти не пройдут впустую.
Лишь те, кто жизни чистоту святую
от века возлюбил и видел ясно,
способны пожинать без содроганья
великий урожай существованья
в урочный час божественно-бессстрастно!